

Глава первая

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Скажи мне кто, каким изумительным образом все здесь изменится за десять лет, я бы не поверила, — обратилась миссис Джозефина Баэр к миссис Маргарет Брук. В разгар летнего дня они сидели на веранде в Пламфилде и смотрели вокруг, лучась от гордости и удовольствия.

— Вот на какое волшебство способны деньги и добрые сердца. Уверена, этот колледж, построенный по завещанию мистера Лоренса, — лучший памятник его благородству и великодушию; а пока стоит этот дом, память о тетушке Марч не поблекнет, — ответила миссис Брук, никогда не упускавшая случая воздать хвалу ушедшим.

— Помнишь, мы когда-то верили в добрых фей и рассуждали, какие три желания загадаем? Тебе не кажется, что мое наконец-то исполнилось? Деньги, слава — и любимой работы хоть отбавляй, — произнесла миссис Баэр и сцепила руки над головой, как в далеком детстве, взъерошив по ходу дела волосы.

— Мое тоже исполнилось, а Эми продолжает радоваться своему. Если бы любимые наши мумуля, Джон и Бет остались с нами, больше и вовсе было бы нечего желать, — добавила Маргарет, и ее нежный голосок дрогнул, ибо мумулино место успело опустеть.

Джо накрыла руку сестры своей, и некоторое время обе молчали, со смесью печали и радости глядя на открывавшуюся им прелестную сцену.

Все тут действительно преобразилось, точно по волшебству: тихий Пламфилд превратился в полный жизни уютный мирок. Дом выглядел даже гостеприимнее прежнего — его заново покрасили и пристроили новые флигели; ухоженная лужайка и сад дополняли общий вид достатка — все разительно изменилось с тех времен, когда повсюду кишели мальчишки-непоседы, а Баэры с трудом сводили концы с концами. На холме, где когда-то пускали воздушных змеев, высилось стройное здание колледжа, возведенное благодаря щедрому завещанию мистера Лоренса. По дорожкам, где в былые дни топотали детские ножки, теперь с серьезным видом расхаживали студенты, и множество юных женщин и мужчин наслаждались всеми теми привилегиями, которые способны даровать богатство, мудрость и благожелательность.

У самых ворот Пламфилда приютился среди деревьев симпатичный домик, выкрашенный в коричневый цвет, — он очень походил на «Давкот»¹, а к западу, на вершине зеленого холма, сияло под солнцем поместье Лори, окруженное белыми колоннами; дело в том, что, когда стремительно растущий город надвинулся на старый дом Лоренсов, испортил гнездышко Мег и вознамерился возвести мыльную фабрику под самым носом у негодующего мистера Лоренса, друзья наши перебрались в Пламфилд — и настала пора больших перемен.

¹ «Давкот» (англ. голубиный домик, голубятня) — так назывался домик, в котором, как рассказано в романе «Юные жены», начинали свою семейную жизнь Джон и Маргарет (Мег) Брук. — *Примеч. ред.*

Перемены были к лучшему, и уход близких людей смягчался теми великодушными дарами, которые они после себя оставляли; в общем, теперь маленькое сообщество процветало, мистер Баэр стал президентом, а мистер Марч — духовником колледжа: их давняя мечта полностью осуществилась. Сестры совместно заботились о молодых людях, каждая занималась тем, что было ближе ее натуре. Мег выполняла при молодых девушках роль доброй старшей подруги, Джо была confidentом и защитницей молодых людей, а Эми — леди Изобилие: она, не афишируя этого, облегчала жизнь нуждающимся студентам и относилась к ним с такой сердечностью, что они нарекли ее милый дом горою Парнас — ведь там всегда звучала музыка и властвовали красота и культура, которые так необходимы голодным юным сердцам и душам.

Разумеется, первые двенадцать учеников школы давно уже разлетелись по городам и весям, но те из них, кто остался в этом мире, не забывали свой старый Пламфилд и время от времени являлись туда из самых разных уголков земли, чтобы поделиться рассказами о своей жизни, посмеяться над прежними радостями и с новой отвагой устремиться к новым достижениям; такие возвращения в родное гнездо наполняют сердца нежностью, а руки — силой, воскрешая в памяти счастливые юные дни. Расскажем в нескольких словах историю каждого из мальчиков, а потом откроем новую главу их жизни.

Франц жил в Гамбурге, у родственника-коммерсанта; ему уже исполнилось двадцать шесть лет, и он весьма преуспел. Эмиль сделался самым жизнерадостным из всех мореходов, что когда-либо бороздили просторы океана. Дядя отправил его в долгое плаванье, пытаясь отвратить от любви к приключениям, однако

Эмиль вернулся домой в таком восторге, что стало совершенно ясно, в чем состоит его призвание. Родственник-немец устроил его на одно из своих судов, так что Эмиль был бесконечно счастлив. Дан так и остался бродягой — после геологической экспедиции в Южную Америку он занялся разведением овец в Австралии, а теперь трудился на шахтах в Калифорнии. Нат стал студентом консерватории и готовился к заключительному этапу учебы — двум годам в Германии. Том изучал медицину и пытался ее полюбить. Джек помогал отцу вести дела и, похоже, постепенно богател. Долли учился в колледже вместе с Тюфяком и Недом — они собирались стать юристами. Бедняжка Дик скончался, как и Билли; никто об этом особо не скорбел — они всё равно никогда не узнали бы счастья из-за душевных и телесных хворей.

Роба и Тедди звали «Лев и Агнец»: Тедди был свиреп, словно царь зверей, а Роб смирен, точно овечка. Миссис Джо называла его «своей доченькой», из всех детей он трепетнее всего чтит сыновний долг, а под сдержанной повадкой и ласковой натурой скрывались запасы мужества. В Тедди же она распознавала все недостатки, причуды, упования и радости собственной юности, но в иной форме. Рыжеватые кудри, вечно растрепанные, длинные руки и ноги, громкий голос и отменная непоседливость — Тед был в Пламфилде значимой фигурой. У него случались приступы уныния, и примерно раз в неделю он погружался в Тряси-ну Отчаяния¹, откуда его вытягивали терпеливый Роб или матушка — она прекрасно разбиралась, когда его нужно оставить в покое, а когда — как следует встрях-

¹ Отсылка к роману Джона Буньяна «Путешествие пилигрима», на котором, по сути, построена вся композиция романа Л. М. Олкотт «Маленькие женщины». — *Здесь и далее примеч. перев, кроме указанных особо.*

нуть. Он оказался ее радостью и гордостью и одновременно — ее мукой: был он исключительно умен для своего возраста и полон, в зачатках, всевозможных талантов: она постоянно ломала свою материнскую голову над тем, какое же поприще суждено ее исключительному сыну.

Деми с отличием окончил колледж, и миссис Мег попыталась наставить его на путь священства — в материнских мечтах она уже видела, как почтенный молодой священник произносит свою первую проповедь, какая длинная, плодотворная и достойная жизнь его ждет. Однако Джон — теперь она называла его так — решительно отказался поступать в семинарию, объявив, что довольно ему сидеть над книгами, нужно узнать жизнь — и, сильно огорчив свою милую маменьку, решил попробовать себя на поприще журналистики. Это стало для Мег ударом, однако она понимала, что юный ум не переломишь и опыт — лучший учитель, а потому позволила сыну следовать зову сердца, все еще надеясь когда-нибудь увидеть его за кафедрой. Тетя Джо рассвирепела, узнав, что в семье у них завелся репортер, и тут же обозвала его Дженкинсом¹. Ей нравился его стиль, но у нее были свои причины недолюбливать официальных Полов При² — почему именно, мы узнаем позже. Деми, однако, действовал по собственному разумению и методично придерживался своего жизненного плана, невзирая на воркотню взволнованной родни и шутки приятелей. Дядя Лоренс поддерживал его, предрекая блистательную карьеру, и упоминал имена Диккенса и других знаменитостей,

¹ *Дженкинс* — обидное прозвище журналистов, впервые появившееся в журнале «Панч».

² *Пол При* — персонаж фарса английского драматурга Джона Пула (1786–1872) «Пол При», проныра, который вечно сует нос в чужие дела.

которые начинали репортерами, а потом стали знаменитыми писателями или журналистами.

Девочки процветали. Дейзи, такая же милая и домотопитая, как и раньше, стала спутницей и отрадой матери. Джози, четырнадцатилетняя, выросла большой оригиналкой, причудницей и озорницей — последней ее причудой стала страсть к сцене, что не столько забавляло, сколько тревожило ее тихую матушку и сестру. Бесс превратилась в стройную красавицу, выглядела на несколько лет старше своего возраста, но сохранила грацию и утонченность маленькой принцессы, сполна унаследовав достоинства и отца, и матери, взлелеянные дарами любви и богатства. Но главной их гордостью стала непоседа Нан: как и многие подвижные и своевольные дети, она выросла в энергичную и многообещающую девушку — такие таланты внезапно расцветают, когда целеустремленный искатель находит для них подходящее дело. В шестнадцать Нан начала изучать медицину и в двадцать отважно продолжала идти по тому же пути, ибо теперь, благодаря усилиям других умных женщин, для нее были открыты двери колледжей и больниц. Она ни разу не отступила от своей цели с того далекого дня, когда, еще в детстве, к изумлению Дейзи, произнесла на старой иве: «У меня будет кабинет, а в нем — пузырьки, ящики и лекарства, я буду ездить в экипаже и лечить больных». Будущее, предсказанное маленькой девочкой, стремительно наступало для молодой женщины и приносило ей столько счастья, что ничто не могло отвлечь ее от любимой работы. Несколько достойных молодых джентльменов попытались склонить ее к тому, чтобы изменить свои планы и выбрать, вслед за Дейзи, «хозяйство и уютный дом», но Нан только смеялась и отпугивала поклонников, предлагая осмотреть тот самый язык, который произносит слова обожания, или про-

фессионально пощупать пульс в мужественной руке, предлагавшейся ей вместе с сердцем. В результате отпали все, кроме одного юноши, столь преданного Трэддлса¹, что его было не отвадить.

Речь идет о Томе, который хранил ту же верность своей первой любви, что и она — своим «пузырькам», и его неизменная верность сильно ее трогала. Только ради Нан он решил изучать медицину, которая ему совсем не нравилась — его куда сильнее тянуло в коммерцию. Но Нан была упорна, и Том изо всех сил пытался от нее не отставать, надеясь, что, став практикующим врачом, не загубит слишком много жизней. При всем при том они крепко дружили и постоянно забавляли всех знакомых перипетиями своего прихотливого романа.

В тот день, когда миссис Мег и миссис Джо беседовали на веранде, оба направлялись в Пламфилд. Оба, но не вместе: Нан размашисто шагала по живописной дороге одна, обдумывая заинтересовавший ее медицинский случай, а Том поспешал следом с целью нагнать ее будто бы случайно уже за пределами городских окраин — привычная его уловка, их общая шутка.

Нан стала хороша собой: свежий цвет лица, ясные глаза, улыбочивость, сосредоточенный вид, который всегда бывает у целеустремленных молодых женщин. Одетая она была просто и практично, шагала легко и буквально излучала энергию — широкие плечи развернуты, руки свободно опущены, гибкость юности и здоровья в каждом движении. Те немногие, кто встретился ей на пути, смотрели ей вслед — приятно наслаждаться видом крепкой, жизнерадостной девушки,

¹ *Томми Трэддлс* — персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд» (1850), близкий друг Дэвида; возлюбленная Томми, Софи Крулер, долго не может стать его женой, но он хранит ей верность, и все завершается счастливым браком.

шагающей за город в погожий денек; за ней поспешал раскрасневшийся молодой человек — шляпа в руке, тугие кудряшки подпрыгивают от нетерпения — он им тоже нравился.

И вот ветер подхватил негромкое: «Привет!» Нан попыталась — вполне безуспешно — изобразить изумление и воспитанно произнесла:

— Никак это ты, Том?

— Да вроде бы. Вот, подумал, ты сегодня пойдешь прогуляться.

Жизнерадостное лицо Тома просияло от удовольствия.

— Да ты все знал. Как там твое горло? — поинтересовалась профессиональным тоном Нан — такой тон помогал сдерживать буйные чувства.

— Горло? Ах, ох! Вспомнил. Все хорошо. Твое лекарство отлично подействовало. Я больше не буду называть гомеопатию шарлатанством.

— Сам ты шарлатан, как и все те немедицинские средства, которые я тебе выдала. Если бы с помощью сахара или молока можно было столь же успешно лечить дифтерию, я бы обязательно взяла это на заметку. Ах, Том, Том, когда же ты прекратишь дурачиться?

— Ах, Нан, Нан, когда же ты прекратишь мною командовать?

И счастливая парочка дружно расхохоталась, совсем как в старые времена, память о которых накрывала их всякий раз, когда они отправлялись в Пламфилд.

— Ну я же знал: не видать мне тебя целую неделю, если я не придумаю повода зайти к тебе в кабинет. Ты все время так занята, что мне уже и не втиснуться, — объяснил Том.

— Так и ты должен был бы заниматься делом, а не такими глупостями. Право же, Том, если так наплева-

тельски относиться к занятиям, то ничего не добьешься, — рассудительно произнесла Нан.

— Довольно с меня занятий, — с явственным отворачиванием отвечал Том. — Можно позволить себе развлечения после того, как целый день анатомируешь трупы. Лично меня надолго не хватает, хотя некоторым, похоже, это занятие по душе.

— Так почему не бросить медицину ради того, что тебе лучше подходит? Я всегда считала, что ты делаешь глупость, — заявила Нан с некоторой обеспокоенностью, а ее острый взор тем временем выискивал признаки недуга на лице румяном, точно крепкое зимнее яблоко.

— Ты прекрасно знаешь, почему я выбрал эту профессию, и я не отступлюсь, даже если она меня погубит. Кстати, хотя я и выгляжу отменно здоровым, у меня скрытый порок сердца, который рано или поздно меня доконает; беда в том, что исцелить от него способен только один врач, но она почему-то отказывается.

В тоне Тома звучала задумчивая покорность, одновременно и комичная и жалобная; дело в том, что для него все это было всерьез, и он постоянно рассыпал подобные намеки — без всякого результата.

Нан нахмурилась; впрочем, она к намекам Тома привыкла и знала, как с ним обращаться.

— Она лечит единственным и самым действенным способом; вот только у этого пациента сплошные рецидивы. Ты сходил на бал, куда я тебя отправила?

— Сходил.

— И преданно ухаживал за хорошенькой мисс Уэст?

— Протанцевал с ней весь вечер.

— И как, подействовало это на самый твой чувствительный орган?

— Ни капельки. Один раз я фыркнул ей прямо в лицо, потом забыл предложить закуски и выдохнул от облегчения, когда передал ее обратно маменьке.

— Повторять прием того же лекарства как можно чаще, следить за симптоматикой. Убедена, что рано или поздно наступит привыкание.

— Никогда! Похоже, мой организм отвергает это снадобье.

— Поглядим! Приказано — выполнять! — Суровым голосом.

— Слушаюсь, доктор. — Смиренно.

Повисло молчание, а потом яблоко раздора сгнуло под наплывом приятных воспоминаний, вызванных знакомой обстановкой. Нан внезапно произнесла:

— Как нам когда-то бывало весело в этом лесу! Помнишь, как ты свалился с высокого орешника и едва не сломал ключицу?

— Как же не помнить! А как ты засунула меня в полын, пока я не стал красно-коричневым, — тетя Джо долго причитала над моей испорченной курткой, — рассмеялся Том, вновь на миг став мальчишкой.

— А как ты поджег дом?

— А как ты сбежала, чтобы забрать свой ящик?

— А ты по-прежнему говоришь «разгрызи меня крот»?

— А тебя по-прежнему называют Проказницей?

— Дейзи называет. Милочка моя, я ее целую неделю не видела.

— Зато я сегодня видел Деми, он сказал, что она помогает матушке Баэр по дому.

— Как и всегда, когда у тети Джо хлопот целый водоворот. Дейзи — образцовая хозяйка, так что я бы посоветовала тебе поухаживать за ней, если у тебя все равно не получается заняться делом, и дожждаться, пока ты вырастешь, — а уж там разводить романтические сопли.

— Нат мне размозжит голову своей скрипкой, если я только попробую. Нет уж, слуга покорный. На моем сердце запечатлено другое имя — причем навеки, как и синий якорь на руке. Мой девиз — «Надежда», а твой — «Не сдамся». Поглядим, кто дольше продержится.

— Вы, глупые мальчишки, все пытаетесь разбиться на парочки, как мы это делали в детстве; так вот, не выйdet. Как замечательно выглядит отсюда Парнас! — воскликнула Нан, вновь резко сменив тему разговора.

— Отличное здание, но старый Плам мне нравился больше. Тетушка Марч руками бы всплеснула, увидев все эти перемены! — заявил Том: они остановились у массивных ворот, чтобы оглядеть простирившийся впереди прелестный пейзаж.

А потом они вздрогнули от громкого вопля: долговзый мальчишка с нечесаными рыжими волосами перескочил, точно кенгуру, через изгородь; за ним прыгнула худощавая девочка, она застряла в боярышнике и там и осталась, хохоча ведьминским хохотом. Она была симпатичной барышней с кудрявыми темными волосами, яркими глазами и очень выразительным лицом. Шляпу она откинула на спину, а юбки откровенно повествовали о ручьях, которые она перешла вброд, о деревьях, на которые вскарабкалась, и об этом последнем прыжке, добавившем несколько новых дыр к старым.

— Нан, помоги мне слезть, пожалуйста. Том, хватай Теда; у него моя книжка, мне ее нужно отобрать, — попросила Джози, которую нимало не смутило появление друзей.

Том тут же схватил похитителя за воротник, а Нан извлекла Джози из колючего куста и без единого слова упрека поставила на ноги — она в детстве и сама была сорванцом и потворствовала подобным наклонностям.

— Что там случилось, душенька? — осведомилась она, закалывая булавкой самую большую дырку.

Джози тем временем разглядывала свои исцарапанные ладони.

— Я учила на иве свою роль, тут подкрался Тед и удилицем выбил книгу у меня из рук. Книга упала в ручей, а я и вскочить не успела, как он умчался прочь. Негодник, немедленно отдай, а то я тебе уши надеру, — пригрозила Джози, сердясь и смеясь одновременно.

Вырвавшись от Тома, Тед встал в напыщенную позу и, бросая нежные взгляды на измокшее существо в разодранных юбках, произнес знаменитую речь Клода Мельнота¹ в столь патетическом тоне, что все покапались от хохота; закончил он словами: «Нравится тебе картина, любовь моя?» — после чего очень комично завязал свои длинные ноги в узел и скорчил устрашающую гримасу.

Аплодисменты, долетевшие с веранды, положили конец его дурачествам, после чего молодые люди зашагали по аллее вполне в духе прежних времен — когда Том правил четверкой, а Нан была лучшей лошадкой в упряжке. Раскрасневшиеся, запыхавшиеся, веселые, они поприветствовали дам и присели на ступени отдохнуть — миссис Мег залатала дырки на юбке своей дочери, а миссис Джо пригладила гриву Льва и отобразила у него книгу. Подошла Дейзи — поздороваться с подругой, после чего беседа сделалась общей.

— К чаю у нас булочки; советую остаться и попробовать. Дейзи они всегда удаются, — гостеприимно предложил Тед.

¹ *Клод Мельнот* — персонаж пьесы «Дама из Лиона, или Любовь и гордость» (1838) английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона; его знаменитый монолог — это признание в страстной любви к девушке Полине.

— Уж он знает, о чем говорит; в прошлый раз съел девять штук. Вот почему он такой толстый, — добавила Джози, бросив косой взгляд на двоюродного брата, тощего, как щепка.

— Мне нужно пойти посмотреть Люси Доув. У нее был панариций, наверное, пора вскрывать. Выпью чаю в колледже, — решила Нан, ощупывая карман, чтобы убедиться, что не забыла захватить инструменты.

— Спасибо, и я туда же. У Тома Мерриуэзера хронический блефарит, я обещал сделать ему компресс. Он сэкономит на враче, а я попрактикуюсь. А то у меня пальцы неловкие, — заявил Том, который старался по мере сил не удаляться от своего идола.

— Цыц! Дейзи не любит, когда вы говорите всякие ужасы про свою работу. Лучше про булочки. — И Тед расплылся в любезной улыбке, надеясь на будущий фавор у искусной кулинарки.

— Есть какие новости от Командора? — поинтересовался Том.

— Направляется домой, и Дан тоже рассчитывает вскоре приехать. Как мне хочется собрать всех моих мальчиков! Вот я и попросила бродяг вернуться в родные стены на День благодарения, а то и пораньше, — произнесла миссис Джо, и лицо ее просияло.

— Явятся, все до единого, если смогут. Даже Джек рискнет недополучить пару долларов ради того, чтобы слопать тут очередной роскошный обед, — рассмеялся Том.

— Вон индюк, мы его откармливаем к празднику. Я за ним больше не бегаю, зато на корм не скуплюсь. А он все тучнеет и тучнеет, благослови Бог его сочные ножки! — произнес Тед, указывая на несчастного индюка, который гордо вышагивал по ближнему полю.

— Если Нат в конце месяца уедет, нужно будет устроить ему праздник на прощание. Спорим, наш

милый музыкант вернется домой вторым Уле Буллем¹, — обратилась Нан к подруге.

Дейзи дивно зарумянилась, муслиновые складки на ее груди приподнялись и опали в быстром вздохе. Потом она кротко заметила:

— Дядя Лори говорит, что он очень талантлив, а выучившись, он поедет за границу и сможет там хорошо зарабатывать, хотя, возможно, никогда не прославится.

— Молодые люди редко оправдывают наши надежды, так что нет никакого смысла ничего загадывать заранее, — вздохнула миссис Мег. — Довольно с нас и того, что из детей получились полезные члены общества; но как нам хочется, чтобы их ждал оглушительный успех!

— Да, они сильно напоминают обитателей моего птичника, — заметил Тед. — Вот этот симпатичный петушок — первый глупец во всем курятнике, зато неуклюжий долговязый петух — король двора, потому что на диво смекалист; кукарекает так, что разбудит и Семерых Спящих², а вот красавчик только хрипит и при этом отменный трус: меня иногда оскорбляют, но погодите, я вырасту — там посмотрим.

Тед стал так похож на своего долговязого питомца, что все дружно рассмеялись над его скромностью.

— Мне хочется, чтобы Дан где-нибудь обосновался. А то он у нас такое перекаати-поле — двадцать пять лет, а все мотается по свету, никаких у него привязок, кроме этой. — И миссис Мег указала на сестру.

¹ *Уле Буль* (1810–1880) — норвежский скрипач-виртуоз; много выступал в США и был там чрезвычайно популярен.

² *Семеро Спящих* (Семь отроков эфесских) — персонажи христианской легенды, которые были заточены в пещере, где не умерли, а заснули чудесным сном и проспали почти два века.

— Дан рано или поздно найдет себя, а опыт — лучший учитель. Он по-прежнему довольно неотесанный, но каждый раз, как он сюда является, я вижу перемены к лучшему — и не теряю веры в него. Может, он не совершит ничего великого и вряд ли разбогатеет, но если из испорченного мальчишки вырастет честный человек, мне большего и не надо, — произнесла миссис Джо, всегда встававшая на защиту паршивых овечек из своего стада.

— Правильно, мама, защищай Дана! Он куда достойнее всех на свете Джеков и Недов, которые похваляются своими заработками и надувают щеки. Вот увидишь, он еще станет твоей гордостью и докажет, что они и мизинца его не стоят! — добавил Тед, ибо его любовь к Данни теперь подкреплялась мальчишеским восхищением смелым и решительным мужчиной.

— Я на это и надеюсь. Он из тех, кто обязательно прославится, пусть и поступая безрассудно: полезет на Маттерхорн¹, прыгнет через Ниагарский водопад² или найдет золотой самородок. Он сумеет вырвать с корнем мальчишескую бесшабашность — куда надежнее, чем мы, — задумчиво произнес Том, понаторевший в искоренении собственных сильных чувств с тех пор, как начал изучать медицину.

— Гораздо надежнее! — от души согласилась миссис Джо. — Мне спокойнее, когда мои мальчишки отправляются открывать для себя большой мир, чем когда они остаются в больших городах со всеми их искусами, где всего-то занятий — прожигать время, деньги и здоровье и куда заносит столь многих. Дану придется самому прокладывать себе дорогу, а это верный

¹ *Маттерхорн* — один из самых высоких пиков в Швейцарских Альпах.

² *Ниагарский водопад* на самом деле представляет собой комплекс водопадов на реке Ниагаре, на границе США и Канады.

способ воспитать отвагу, терпение и самодостаточность. За него я тревожусь меньше, чем за Джорджа и Долли в колледже — за двух этих младенцев, совершенно не приспособленных к самостоятельной жизни.

— Ну а Джон? Он же носится по городу по поручениям своей газеты, пишет заметки обо всем на свете, от проповедей до кулачных боев, — заметил Том, которому казалось, что ему бы такая жизнь пришлось куда более по душе, чем медицинские лекции и больничные палаты.

— У Деми целых три хранителя: твердые принципы, утонченный вкус и мудрая маменька. Он не сойдет с пути, а опыт пригодится ему, когда он станет писателем — в чем лично я не сомневаюсь, — пророческим тоном начала миссис Джо, потому что ей очень хотелось, чтобы хоть кто-то из ее утят превратился в лебедя.

— Вспомни про Дженкинса — и тут же зашуршит газетная бумага! — воскликнул Том, потому что на аллее показался румяный кареглазый юнец — он размазывал газетой.

— Вот ваш «Вечерний сплетник»! Самый свежий выпуск! Ужасное убийство! Сбежал банковский клерк! Взрыв на пороховом заводе, всеобщая забастовка учеников латинских школ! — взревел Тед, с грацией юного жирафа кидаясь навстречу двоюродному брату.

— Командор вошел в порт и при первой возможности отдаст швартов и развернется по ветру! — сообщил Деми, «подбегая к морским эпитафиям»¹, — он подошел, улыбаясь добрым новостям.

¹ Эта фраза — типичный пример «малапропа», или замены нужных слов близкими по звучанию, но неверными по значению, что создает комический эффект. Фраза взята из комедии Ричарда Шеридана «Соперники» (1775), где их произносит миссис Малапроп — от нее и пошло название этой речевой ошибки. На самом деле она хотела сказать: «прибегая к морским эпитетам».

Тут все заговорили разом, передавая газету из рук в руки, чтобы каждый мог самолично увидеть в ней радостное сообщение: «Бренда», судно из Гамбурга, благополучно встало на якорь.

— Он явится сюда завтра, с обычным своим запасом морских чудищ и развеселых баек. Я его уже видел — жизнерадостный, обветренный, загорелый, как кофейное зернышко. Плавание выдалось удачное, он надеется, что его повысят до второго помощника — бывший помощник сломал ногу, — сообщил Деми.

— Вот уж я бы ему ее вправила, — пробормотала себе под нос Нан, сопроводив слова профессиональным жестом.

— А как там Франц? — осведомилась миссис Джо.

— Собирается жениться! Такие вот новости. Первым из всех нас, тетушка, так что можешь с ним распрощаться. Невесту зовут Людмила Хильдегарда Блюменталь — из добропорядочной семьи, с деньгами; сама она хороша собой и, разумеется, чистый ангел. Старина Франц хочет получить дядюшкино согласие, а потом заживет жизнью счастливого и честного бургера. Многие лета!

— Рада это слышать. Мне хочется, чтобы все мои мальчишки обзавелись хорошими женами и собственным домом. Если все пойдет гладко, за Франца я смогу больше не тревожиться, — заявила миссис Джо, с удовлетворением скрестив руки на груди: дело в том, что она часто чувствовала себя неутомной наседкой, у которой на руках целый выводок утят и цыплят.

— Я тоже рад, — вздохнул Том, бросив косой взгляд на Нан. — Это человеку и нужно, чтобы не сбиться с пути. А симпатичным девушкам полагается при первой же возможности выходить замуж, верно, Деми?

— Если подвернется симпатичный юноша. Вот только женское население числом превосходит мужское, особенно в Новой Англии; это свидетельствует

о высоком уровне развития культуры, надо полагать, — ответил Джон, который стоял, облокотившись о стул своей мамы, и шепотом пересказывал ей, что с ним случилось за день.

— Это, дорогие мои, только на благо, ибо на то, чтобы привести мужчину в этот мир, провести по жизни и отправить на выход, нужно три-четыре женщины. Вы, мальчики мои, недешево нам обходитесь; считайте, что вам повезло, что матери, сестры, жены и дочери помнят свой долг и исполняют его честно — иначе вы давно бы исчезли с лица земли, — торжественно произнесла миссис Джо, доставая корзинку с кучей рваных носков: дело в том, что добрый профессор по-прежнему снашивал носки с поразительной скоростью, а сыновья его пошли в этом смысле по его стопам.

— Именно поэтому у этих «избыточных женщин» дела хоть отбавляй — заботиться обо всех беспомощных мужчинах и их семьях. Это я вижу все отчетливее с каждым днем и очень рада, что благодаря своей профессии стану полезной, счастливой и самостоятельной старой девой.

Нан так подчеркнула последнее слово, что Том застонал, а остальные расхохотались.

— Ты, Нан, — предмет моей особой гордости; надеюсь, что тебя ждет успех, потому что в мире очень не хватает таких вот деятельных женщин. Мне иногда кажется, что я выбрала себе не то жизненное поприще — мне не следовало выходить замуж; однако к этому призвал меня долг, и я ни о чем не жалею, — заявила миссис Джо, которая складывала, прижав к груди, большой и очень драный синий носок.

— И я не жалею. Что бы я делал без моей милой мамочки? — добавил Тед, заключив ее в сыновние объятия — в результате оба скрылись за газетой, в чтение

которой он, ко всеобщему облегчению, погрузился на несколько минут.

— Сыночек, если бы ты хоть изредка мыл руки, твои объятия не были бы столь губительны для моего воротника. А впрочем, ладно, неряха мой ненаглядный, лучше уж пятна травы и грязи, чем совсем никакой ласки.

Миссис Джо вынырнула из временного укрытия — вид у нее был весьма освеженный, хотя волосы запутались в пуговицах Теда, а воротничок застрял под его ухом.

Тут Джози, которая разучивала на другом конце веранды свою роль, внезапно издала трагический вопль и с таким пылом продекламировала монолог Джульетты на смертном одре, что мальчишки громко зааплодировали, Дейзи вздрогнула, а Нан пробормотала:

— Слишком сильное мозговое возбуждение для ее возраста.

— Боюсь, Мег, тебе придется с этим смириться. Девочка — прирожденная актриса. Мы никогда не поднимались до таких высот, даже в «Проклятии ведьмы», — заключила миссис Джо, кидая букет из носков разного цвета к ногам своей раскрасневшейся, запыхавшейся племянницы, когда та грациозно повалилась на коврик у двери.

— По заслугам мне — так отливается моя детская страсть к сцене. Теперь-то я понимаю, что чувствовала бедная мумуля, когда я умоляла ее разрешить мне стать актрисой. Я никогда не дам своего согласия, но не исключено, что мне в очередной раз придется отречься от своих упований и планов.

Легкий упрек в голосе матери заставил Деми поднять с пола, слегка встряхнуть и строго попросить «оставить эти глупости на людях».

— Отпусти, Миньон, а то изображу Одержимую невесту¹ и особенно постараюсь на «ха-ха!», — вскричала Джози, бросив на него взгляд обиженного котенка.

Когда ее поставили на ноги, она присела в грациозном реверансе и, напыщенно возгласив: «Карета миссис Воффингтон² подана!» — элегантно спустилась по ступеням и завернула за угол, величественно волоча за собой алый шарф Дейзи.

— Правда с ней не соскучишься? Я бы умер от тоски в нашем унылом доме, если бы его не оживляло это дитя. Если она делается благовоспитанной, я тут же сбегу, так что не давите на нее слишком сильно, — нахмурившись, обратился Тедди к Деми, который писал на ступеньках какие-то стенографические заметки.

— Вы одного поля ягоды, чтобы держать тебя в узде, тоже нужна крепкая рука, но мне это нравится. Джози больше подходит в дети мне, а Роб — тебе, Мег. Тогда у тебя в доме царили бы мир и покой, а у меня был бы настоящий бедлам³. Ну, пойду сообщу новости Лори. Пошли со мной, Мег, прогулка тебе на пользу.

Нахлобучив соломенную шляпу Теда, миссис Джо удалилась вместе с сестрой, оставив Дейзи присматривать за булочками, Теда — утешать Джози, а Тома и Нан — мучить своих пациентов, чем они и занимались следующие полчаса.

¹ «Одержимая невеста, или Страшная тайна Холлоу-Эш-Холла» — бульварный роман писательницы Маргарет Блаунт (1872–1898). В принципе, название говорит само за себя.

² *Маргарет Воффингтон* (1720–1760) была известной английской актрисой и светской дамой.

³ Слово «бедлам», обозначающее неразбериху, беспорядок, происходит от названия Бедламской королевской лечебницы, психиатрической больницы в Лондоне. «Бедламская», в свою очередь, это сокращенное «Вифлеемская».